
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВОСТОРГ КАК ЭМОТИВНОЕ СОБЫТИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ»

А.В. Бондарь

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Студенческая, 14, корп. 2, Белгород, Россия, 308007

В настоящей статье отражены результаты исследования эмотивности — глубинной (базовой) дискурсивной категории, которая проявляется и на семантическом, и на концептуальном уровнях организации поэтического текста, предопределяя и направляя стратегии его смыслового развертывания и интерпретации. Важнейшей составляющей поэтического текста является эмотивное событие — дискурсивно обусловленное устойчивое эмоциональное отношение к действительному миру, возникающее в процессе эмотивно-когнитивного постижения его сущности. Эмотивное событие выступает своего рода центром-транслятором личностных смыслов и тем самым способствует организации концептуального, смыслового пространства поэтического текста, слагает мифотворческую основу поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст, эмотивность, эмотивное событие, дискурсивное пространство текста, эмотивная информация.

Поэзия и эмоции. Современные достижения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и лингвопоэтики позволяют по-новому взглянуть на такой феномен креативной речемыслительной деятельности человека, как поэзия, описать его в терминах дискурсивно-когнитивной парадигмы, преодолевающей рамки и установки коммуникативно-прагматического подхода. При этом следует понимать, что традиционное представление о поэзии как о процессе объективирования первоначальных данных душевной жизни (А.А. Потебня), преобразования чувственных восприятий в концептуальную информацию, получающую выражение в образной форме (В. фон Гумбольдт) вряд ли может быть подвергнуто критике. Напротив, оно должно быть отправной точкой при изучении и описании собственно дискурсивно-когнитивных механизмов смыслопорождения и категорий поэтического текста, индивидуально-авторских и этнокультурных структур сознания.

Учитывая важность чувственного компонента художественного мышления, сложно не согласиться с утверждением В.И. Шаховского о том, что «вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования» [9. С. 22].

Представления самого Бориса Пастернака (поэтические тексты которого послужили языковым материалом для настоящего исследования) о сущности поэтического мышления вполне согласуются с приведенным выше утверждением ученого. Уже в письме к П.Д. Эттингу от 1907 г. поэт отмечал: «... что же такое

искусство, как не философия *в состоянии экстаза* (здесь и далее курсив наш — Б.А.), как не “*Betrachten*” [наблюдение] перешедшее в область чувства восторга (Рёскин) или страдания (Пшибышевский)» [8. С. 295]. В письмах 1940—1950-х гг. читаем: «... искусство есть прежде всего *напряженное*, нетерпеливое, властное, предельно ясно себя сознающее и особое... мировоззрение» [8. С. 335], а предметом его «является степень напряжения и воплощения прожитой жизни в искусстве» [8. С. 362]. Таким образом, поэтическое сознание сопряжено с «повышенно-эмоциональной впечатляемостью», «круговертью лирического неистовства», в которой «все сводится к наплыву и сплаву, к сгущению и разряжению звуков и чувств необычной силы» [4. С. 40—41]:

*Приходилось, насупившись букой,
Щебет женщин сносить словно бич,
Чтоб впоследствии **страсть**, как науку,
Обожанье, как подвиг, постичь.*

В семантической структуре лексем «страсть» и «обожанье» ядерным оказывается сема «интенсивность проявления эмоции», отражающая представление о чувстве, довлеющим над автором, как об интенсивном, относительно длительном и устойчивом психофизическом состоянии, как о «чувстве необычной силы».

Таким образом, «повышенно-эмоциональное», «напряженное» состояние лирического субъекта, довлеющее над ним чувство есть предмет поэзии. По утверждению Ю.М. Брюхановой, «именно чувство является тем энергетическим импульсом, который преобразует одну реальность (действительность восприятия) в другую (лирический мир). Но это не чувство-эмоция, это проявление силы-страсти, той силы, которая присуща бытию» [3. С. 25—26]. Наиболее адекватным отражением данного чувства, эмоционального экстаза, силы-страсти в системе координат пастернаковского мироощущения нам представляется состояние эстетического восторга, или торжества. В поэтическом тексте как особом психолого-эстетическом феномене (И.И. Чумак-Жунь) эмоциональное состояние эстетического восторга/торжества приобретает дискурсивно-когнитивный статус и реализуется как эмотивное событие.

В автобиографической прозе и письмах Пастернака не единожды встречается описание восторженного обожания воспринимаемой действительности, возводимого в главный принцип творения поэтической вселенной: «... я и в жизни оживал целиком лишь в тех случаях, когда... вырывалось на свободу всей ширью оснащенное чувство... Обожанье это бьет меня жесточе и неприкрашеннее лихорадки» [8. С. 38]. Или: «... наслаждение не покрывает собою твоего желания, которое питает творчество, и оно остается неутоленным поверх него, как высокая коса, выступившая над приливом... Если чувственность вообще — слой, спаивающий две величины, лежащие по обе стороны от него, то чувственность искусства — это спай цельного обруча» [8. С. 258]. Иными словами, именно «чувственность искусства» как психофизическое свойство, присущее и сопутствующее поэтическому мышлению, и эмотивность как оязыковленное отражение этого свойства есть те дискурсивные категории, которые конституируют пространство поэзии в единое эмотивно-когнитивное образование. Подобное понимание «чувственности искусства», эмотивности обуславливает и представление поэта о «не-

выполненной лирической задаче творчества», представление о творческом акте как о процессе объективирования субъекта «в таких состояниях, как восторг, вдохновение и лирический порыв» [8. С. 297]. Отсюда и признание Б. Пастернака в письме к М. Цветаевой от 25 марта 1926 г. в том, что он всегда был склонен смотреть «на лирику как на этимологию чувства» [8. С. 317].

Таким образом, именно как «этимология чувства» может быть осмыслено все поэтическое наследие великого художника, при этом чувство эстетического восторга является центральным, заполняющим все пространство поэтической вселенной эмоциональным состоянием, а его достижение есть высшая «степень напряжения» в искусстве:

*Достигнутого торжества
Игра и мука —
Натянутая тетива
Тугого лука
(«Во всем мне хочется дойти...»).*

Эмотивное событие. «Достигнутое торжество» есть эмотивное событие не только стихотворения «Во всем мне хочется дойти...», но и всей книги «Когда разгуляется». Как отмечает Б.М. Гаспаров, «во многих стихотворениях из “Когда разгуляется” можно увидеть много черт сходства со стихами из ранних поэтических книг. Их предметом по большей части служит непосредственный отклик на сиюминутное впечатление... Мир позднего Пастернака так же фрагментарен, так же состоит из случайно выхваченных осколков действительности; только это не стремительно пролетающие частицы впечатлений, а то, что удастся разобрать на плитах полузаброшенного кладбища прошлого — или увидеть с расстояния трансцендентального полета» [5. С. 124—125]. В данной отрывке исследователь говорит об эмотивном событии как относительно длительном и устойчивом эмоциональном отношении к действительному миру, возникающему в процессе эмотивно-когнитивного постижения его сущности, в процессе сличения возникшего в данный момент эмоционально-осмысленного впечатления-отношения с ранее оформленным, осознанным или бессознательным чувствованием.

Примечательно, что о «достигнутом торжестве» Б. Пастернак упоминал задолго до появления итоговой поэтической книги и поэтического текста «Во всем мне хочется дойти...». В «Охранной грамоте» находим следующее рассуждение: «Я узнал далее, какой синкретизм сопутствует расцвету мастерства, когда при достигнутом торжестве художника и живописной стихии становится невозможным сказать, кто из троих и в чью пользу проявляет себя всего деятельнее на полотне — исполнитель, исполненное или предмет исполнения. Именно благодаря этой путанице мыслимы недоразумения, при которых время, позируя художнику, может вообразить, будто подымает его до своего переходящего величия» [8. С. 90]. В данном рассуждении, по нашему мнению, отмечены ключевые смысловые аспекты и конститутивные структурные элементы эмотивного события, положенного в основу поэтической книги «Когда разгуляется»: достигающее предела эмоциональное состояние, возможность которого обусловлена слиянием мира лирического Я и «живописной стихии», в свою очередь, приводящего к смешению предметов разного порядка, а также сиюминутность осуществившегося контакта.

Заметим, что об этих чертах поэтического мира Пастернака, но в иной терминологии заявлял А.К. Жолковский. Исследователь выделял две идеи, или темы, отражающие особое авторское мировосприятие: «Одной из этих тем является тема “контакта” между повседневными малыми проявлениями человека и великими проявлениями жизни и вселенной, другой — тема “высшей фазы”, или “великолепия”» [6. С. 34]. Иными словами, ученый утверждает идею «великолепного единства» — «общения восторга с обиходом» — как особый, эмотивно-когнитивный, способ контакта. Отражением этого контакта в дискурсивном пространстве поэтического текста становится эмотивное событие — эстетический восторг. Более того, дискурсивное пространство текста и эмотивное событие могут рассматриваться не просто как взаимообуславливающие друг друга составляющие поэзии (как дискурсивной практики), но как категории тождественные. «Дискурсивное пространство поэтического текста — это осмысленное языковой личностью и представленное в тексте коммуникативное событие, которое актуализируется речевым сознанием как ассоциативно-образный фрагмент поэтической коммуникации» [1. С. 58].

Таким образом, поэзия как дискурсивная практика, как особая форма креативного мышления актуализирует эмоциональный опыт личности, облекая его в образную форму. Образность же, в свою очередь, должна рассматриваться как «эстетическая форма осознания действительности, форма художественного сознания», а «спецификой образного мышления является наполнение его результатов личностным содержанием и смыслом. Образное слово гораздо теснее, чем слово обычное, связано с чувственным отношением человека к окружающему миру, к его переживаниям» [1. С. 29—30]. Следовательно, эмотивное событие есть еще и тот единый центр-транслятор личностных смыслов [1. С. 53], который организует ценностно-смысловое (эстетическое) пространство поэтического текста и дискурса. Эмотивное событие поэтического текста — эмотивно-когнитивная (дискурсивная) призма рассеивания и концентрации личностных смыслов.

Эстетическая информация. Обладая «множественной референциальной соотнесенностью» [1. С. 58—62], «лексика эмоций» направлена на передачу эстетической и/или эмотивной информации, довлеющей в поэтическом тексте и над фактуальной, и над концептуальной информацией. «Передача ее и является главной функцией поэтического текста... она нацелена на передачу оценок, опыта отношений» [1. С. 66—67]. Отсюда и утверждение о том, что «эмотивная семантика языка отличается смысловой нечеткостью выражаемого понятия» [9. С. 13]. Однако наличие единого центра — транслятора смысла позволяет направить разрозненные смысловые потоки вдоль определенных семантических линий, отражающих специфику авторского мировосприятия.

Мы попытались определить эти эмотивно-когнитивные компоненты внутри-текстового (дискурсивного) события, отражающиеся в семантике таких понятий, как «восторг» и «торжество». В семантической структуре лексемы «восторг» четко выделяются две доли — статическая и динамическая. Статический компонент значения связан с представлением о высшем удовлетворении — достигнутом психическом *состоянии*. Динамический же компонент отражает *процесс* повышения, порыва — интенсивного подъема чувств. Данные семантические доли проявля-

ются в узусном употреблении лексемы «восторг» и закреплены в толковых словарях. Лексема «торжество» многозначна и сосредотачивает в себе также статический и процессуальный компоненты. Вот как толкуется данная лексема в словаре Ожегова: 1) «большое празднество в ознаменование какого-нибудь события», 2) «победа, полный успех чего-нибудь», 3) «чувство радости или злорадства по случаю удачи, успеха» [7. С. 1051]. При этом в каждом из этих значений возможно выделить сему «интенсивность» проявления чувства, достигнутого эмоционального состояния. Следует отметить, что в поэтической книге «Когда разгуляется» лексема «торжество» встречается лишь в трех текстах — «Во всем мне хочется дойти...», «Когда разгуляется» и «Вакханалия» — и в различных значениях. Сравним вышеприведенный пример с отрывками из «Когда разгуляется» и «Вакханалии»:

*Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как **торжества** полна трава!*

*Прошло ночное **торжество**.
Забыты шутки и проделки.*

Состояние восторга и как процесса интенсивного подъема чувства, и как конечного результата этого процесса, «достигнутого торжества» актуализируется и объективируется у Пастернака через восприятие и познание объекта действительности. Для Пастернака важно не указание или название такого эмоционального состояния, а его передача посредством описания, отражения лирического мира, вызывающего эстетический восторг. В итоговой поэтической книге Б. Пастернака главным объектом лирического (интенционального) мира становится природа, постижение которой слагает концептуальную и эстетическую информацию книги, а результат этого постижения сопряжен с эмоциональным состоянием восторга и обладает дискурсивным статусом эмотивного события.

По этому поводу Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «эмоциональное состояние естественно мотивировать указанием на причину, его вызвавшую... Отношения стимула и реакции, в которых обычно интерпретируется связь между событиями жизни и вызываемыми ими переживаниями, преломляются в языке в весьма текучих и зыбких формах... Психические реакции выражаются разнородными синтаксическими структурами. При этом обозначающие их слова [эмотивная лексика] допускают индивидуальные, с трудом поддающиеся систематизации трансформационные ряды» [2. С. 438—439].

Концептуальная и эстетическая информация слагается из нескольких устойчивых образов и ценностно-смысловых аспектов, выделяемых в структуре образа и лексических единицах, конституирующих этот образ. Наиболее характерными, по нашему мнению, являются следующие семиотические зарубки в этнокультурном сознании автора-интерпретатора (Н.Ф. Алефиренко), отражающие особенность пастернаковского восприятия объекта: 1) «смещение», 2) «резкое движение», 3) «контакт/зацепление», 4) «наполнение/заполнение», 5) «случайность/небрежность», 6) «интенсивность/высшая степень». При этом совершенно

очевидно, что именно «восприятие лежит в основе эмоциональных реакций. Вследствие этого эмотивные значения совместимы с перцептивными» [2. С. 438], а значит, особое место в языковом арсенале поэта занимают глаголы перцептивного восприятия.

Продемонстрируем реализацию (воплощение) указанных семантических (эмотивно-когнитивных) аспектов при восприятии и сотворении лирического мира поэтического текста «Весна в лесу»:

I

*Отчаянные холода
Задерживают таянье.
Весна позднее, чем всегда,
Но и зато нечаянней.*

В первой строфе родственные лексемы «отчаянные» и «нечаянней», согласованные с контекстуальными антонимами «холода» и «весна», отражают высшую степень проявления признака и случайность, неожиданность, внезапность события. Словосочетание «задерживают таянье» передает идею контакта, зацепления, препятствующего стремительному действию. Разрабатывая «идею контакта», А.К. Жолковский особое внимание уделял «метафорическим контактам» [6. С. 34], которые позволяют поэту выстраивать поэтические ассоциативные ряды, формирующие представления о сущности изображаемой природы.

II

*С утра амурится петух,
И нет прохода курице.
Лицом поворотись на юг,
Сосна на солнце жмурится.*

Во второй строфе вновь актуализируется сема «интенсивность-яркость» и идея контакта. Значение фразеологизированного выражения «нет прохода» соотносится с семантикой лексемы «задерживает» в первой строфе стихотворения. И в целом обе строфы тождественно членятся на две смысловые части, отражающие смену эмоционального фона в диапазоне «сдержанное чувство ожидания» — «откровенное, интенсивное проявление восторженного состояния».

III

*Хотя и парит и печет,
Еще недели целые
Дороги сковывает лед
Корою почернелюю.*

В третьей строфе глаголы отражают интенсивность действия и, как и в первой строфе, идею контакта, сдерживающего движение.

IV

*В лесу еловом мусор, хлам,
И снегом все завалено.
Водю с солнцем пополам
Затоплены проталины.*

В четвертой строфе краткие страдательные причастия выражают значение «заполнения/наполнения». Третья же строка выражает идею «смещения».

V

*И небо в тучах как в пуху
Над грязной вешней жижицей
Застряло в сучьях наверху
И от жары не движется.*

В последней строфе вновь актуализируются семантические аспекты «контакта/зацепления», «интенсивности», «не-движения».

В целом же фактуальная информация, слагающаяся из полученных извне чувственно-перцептивных и сенсорно-моторных впечатлений и осознанная поэтом, выступает основанием для сотворения лирической действительности. Интерпретация раскрывает концептуальные представления об объекте изображения. Сличение фактуальной и концептуальной информации в пределах системы авторского мироощущения открывает читателю-интерпретатору эмотивный смысл совершившегося творческого речемыслительного акта.

Разрабатывая тему контакта, А.К. Жолковский подошел максимально близко к разгадке специфики эмотивной информации поэтических текстов Пастернака. Ученый отметил главенствующий принцип построения поэтической вселенной — принципиально положительное отношение к взаимодействующим, контактирующим объектам: «... всегда хороши оба элемента, вступающие в контакт, и хорош факт контакта между ними» [6. С. 57]. Таким образом, достижение эстетического восторга — это и есть главенствующий принцип сотворения прекрасной поэтической вселенной, ключевое эмотивное событие, без учета которого невозможно составить адекватное и объективное представление о дискурсивно-когнитивных механизмах построения поэтических образов, ментальных структурах авторского сознания и эмотивно-когнитивных, смысловых и семантических категориях дискурсивного пространства текста.

Справедливым будет замечание, что названные «семиотические зарубки», семантические аспекты образных единиц поэтического текста редко реализуются в «чистом» виде — они, согласуясь друг с другом, образуют целостное образное единство, отражающее специфику авторского восприятия объекта действительности. Приведем еще несколько наиболее показательных примеров реализации стержневых эмотивно-когнитивных компонентов семантических структур образов и лексем поэтической книги «Когда разгуляется».

Образ природы, находящийся в центре поэтического мира книги, создается благодаря глаголам перцептивного восприятия и производным от них. Например, в тексте «Тишина», первичным становится звуковое восприятие:

*В лесу молчанье, тишина,
Как будто жизнь в глухой лощине
Не солнцем заворожена,
А по совсем другой причине.
Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.*

*Вот отчего в лесу так тихо.
Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обгладывает молодь...
Во всем лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья,
Твердит то тише, то звончей
Про этот небывалый случай.
Звения на всю лесную падь
И оглушая лесосеку,
Он хочет что-то рассказать
Почти словами человека.*

При этом заметим, что данный текст отражает устойчивое понимание образа леса — это пространство тьмы, пронизываемое светом: «Пронизан солнцем лес насквозь». Все составляющие этого пространства пребывают в состоянии замороженности:

*Жизнь в глухой лощине
Не солнцем заворожена,
А по совсем другой причине.*

Это есть отражение эмоционального состояния — замороженного любования этой жизнью.

«Обонятельные» образы ключевыми являются, например, в текстах «Июль» и «Липовая аллея»:

*Степной нечесаный растрепан,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.*

*Но вот приходят дни цветенья,
И липы в поясе оград
Разбрасывают вместе с тенью
Неотразимый аромат.
Гуляющие в летних шляпах
Вдыхают, кто бы ни прошел,
Непостижимый этот запах,
Доступный пониманью пчел.*

В тексте «Июль» в семантике «обонятельного» образа эксплицитна сема «небрежность»: *степной нечесаный растрепан, таскающий в одежде пух одуванчиков, лопух*. Небрежность передается и глаголами движения: бродит, болтается нехстати. При этом частотны в тексте и глаголы движения с эксплицитной семой «резкость» и «интенсивность»: *срывает, вбегает, взвивается*. Реализована в тексте и сема «заполнение», выражена она наиболее полно в пятом четверостишии:

*Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас в наем.*

Присущее Пастернаку нагромождение зрительных образов, осязательно воспринимаемых фрагментов действительности обнаруживается в значительном количестве поэтических текстов, например:

*Милиция, улица, лица
Мелькают в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерница
Со склянкою нашатыря («В больнице»);*

*Снег идет, и все в смятении:
Убеленный пешеход,
Удивленные растения,
Перекрестка поворот («Снег идет»).*

Нагромождение присуще не только зрительным образам, но и образам, воспринимаемым на слух, например, в тексте «Музыка»:

*Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.
Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.*

Данный пример демонстрирует не столько стремление автора изобразить конкретные образы действительности, сколько передать сиюминутный образ мира, представляемый в смешении объектов разного порядка. В этом «нагромождены белой грудой суровых горных ледников» смешиваются не только сами объекты, но впечатления от их восприятия, смешиваются их «перцептивные признаки»: зримое становится обонятельным, обонятельное — тактильно осязаемым и т.д. Поэтический текст становится творческой «красильней»:

*Рука художника еще всесильней
Со всех смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль («После грозы»).*

Таким образом, формируется представление о поэзии как особом, обладающем эмотивно-когнитивными характеристиками дискурсе — лингвокультурном, социальном и когнитивном феномене (В.И. Шаховский), речемыслительном пространстве (Н.Ф. Алефиренко), включающем не только процесс смыслопорождения, но и динамичную, сложную и нелинейно организованную систему поэтических текстов (И.И. Чумак-Жунь). Дискурсивное пространство поэтического текста есть отраженное средствами языка эмотивное событие, результат ментального процесса репрезентации, переработки и интериоризации полученных извне впечатлений. Эмотивное событие направляет процесс когнитивного постижения действительности и, значит, предопределяет авторскую оценку, его осознанное отношение к воплощенному в тексте интенциональному миру. Следовательно,

эмотивное событие участвует в формировании концептуальной информации текста, направляет процесс приращения личностных смыслов.

Эмотивным событием поэтической книги Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется» автор настоящего исследования признает эстетический восторг, реализующийся в поэтическом тексте как процесс и результат эмоционального отношения автора к конституируемой действительности. Через систему семантических «признаков» эстетический восторг актуализируется в семантике лексем и когнитивных структурах поэтических образов. Наиболее характерными для поэтического мировосприятия поэта являются семы «смешение», «контакт», «высшая степень/интенсивность».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. — М.: Флинта, 2012. 232 с. [*Alefirenko N.F. Tekst i diskurs: ucheb. posobie dlya magistrantov / N.F. Alefirenko, M.A. Golovaneva, E.G. Ozerova, I.I. Chumak-Zhun.* — М.: Flinta, 2012. 232 s.]
- [2] *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — I—XV, 896 с. [*Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka.* — М.: «Yazyki russkoj kultury», 1999. — I—XV, 896 s.]
- [3] *Брюханова Ю.М.* Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни: монография. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. — 209 с. [*Bryukhanova Yu.M. Tvorchestvo Borisa Pasternaka kak khudozhestvennaya versiya filosofii zhizni: monografiya.* — Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2010. — 209 s.]
- [4] *Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. — М.: Советский писатель, 1989. 224 с. [*Vilmont N.N. O Borise Pasternake: Vospominaniya i mysli.* — М.: Sovetskij pisatel, 1989. 224 s.]
- [5] *Гаспаров Б.М.* Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (Философия. Музыка. Быт). — М.: Новое литературное обозрение, 2013. 272 с. [*Gasparov B.M. Boris Pasternak: po tu storonu poetiki (Filosofiya. Muzyka. Byt).* — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 272 s.]
- [6] *Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с. [*Zholkovskij A.K. Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty.* — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 608 s.]
- [7] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. — М.: Оникс: Мир и образование, 2006. 1200 с. [*Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazyka: Ok. 53000 slov / pod obshh. red. L.I. Skvorcova.* — М.: Oniks: Mir i obrazovanie, 2006. 1200 s.]
- [8] *Пастернак Б.Л.* Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. — М.: Искусство, 1990. 399 с. [*Pasternak B.L. Ob iskusstve. «Okhrannaya gramota» i zametki o khudozhestvennom tvorchestve.* — М.: Iskusstvo, 1990. 399 s.]
- [9] *Шаховский В.И.* Голос эмоций в языковом круге homo senties. — М.: ЛИБРИКОМ, 2012. 144 с. [*Shakhovskij V.I. Golos emocij v yazykovom krugе homo senties.* — М.: LIBRIKOM, 2012. 144 s.]

AESTHETIC DELIGHT AS EMOTIVE EVENT OF THE POETRY BY BORIS PASTERNAK “WHEN IT CLEARS UP”

A.V. Bondar

Belgorod National Research University
Stydencheskay str., 14 / 2, Belgorod, Russia, 308007

This article reflects the results of research in discourse-cognitive category emotiveness. It is typical of the poetic thinking and poetic text, which is the result, reflected in the units of language discourse and poetic practice. The most important component of the poetic text is admitted emotive event, which can be characterized as an aesthetic delight in the article. Emotive event as a discursive structure of the text reflects the stable emotional relationship to the real world that occurs in the course of emotive-cognitive comprehension of its essence. Emotive event stands center-translator (the transmitting center) of personal meanings and thus contributes to the organization of conceptual (semantic) space of the poetic text.

Key words: poetic text, category of emotive (emotiveness), emotive event, discursive space of the text, emotive information, emotive personal meanings.